

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ АРТИСТА.

(Къ юбилею П. М. Медвѣдева).

Изъ артистовъ, насколько помнится, самый крупный юбилей шестидесятилѣтія служенія искусству справлялъ И. И. Сосницкій, затѣмъ пятидесятилѣтній—Е. Н. Жулева, сорокалѣтній недавно—В. В. Стрѣльская, теперь—22-го октября празднуетъ полулѣтней юбилей Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ.

Этотъ артистъ началъ дѣятельность еще при крѣпостныхъ актерахъ, исколесилъ затѣмъ всю Россію, многого насмотрѣлся, многое пережилъ на своемъ вѣку и потому воспоминанія Петра Михайловича не могутъ е интересовать всякаго человѣка, любящаго театръ.

«Началъ я съ танцевъ,—разсказывалъ какъ-то П. М.,—семь лѣтъ меня учили разнымъ антраша, подбуре, глсатамъ и прочимъ премудростямъ, но наука мнѣ эта не давалась». Кончилось тѣмъ, что Медвѣдева прозвали «Косолапымъ Мишкой». Какъ-то разъ мальчику случилось попасть на спектакль съ участіемъ Мочалова и съ этого вечера танцы потеряли всякій интересъ. Все время проводится уже въ театрѣ: на репетиціяхъ, на спектакляхъ, притаившись гдѣ-нибудь за кулисами, на колосникахъ, какъ очарованный смотреть онъ на игру артистовъ. Впрочемъ было что и посмотреть: проходили образы П. М. Садовскаго, Щепкина, Шумскаго, Живокини, Полтавцева, Леонидова, Сабуровой, Львовой-Синецкой, Косицкой—кого здѣсь не было...

«А придешь бывало домой,—вспоминаетъ П. М.,—заберешься на чердакъ съ двоюроднымъ братомъ, принесешь отцовскій вищмундиръ, шляпу, нарядишься и разыгрываешь самыя отчаянныя представленія». Дошелъ какъ-то до меня слухъ, что Никулинъ (мужъ артистки Косицкой) снялъ театръ въ Тулѣ и набираетъ труппу, и вотъ я задумалъ къ нему попасть. И здѣсь помогъ мнѣ,—какъ бы вы думали кто—зеленый пиджакъ, подаренный однимъ пріятелемъ... Нарядился я въ этотъ пиджакъ бильярднаго сукна, въ бѣлые невыразимые отца, повязался невозможно яркимъ фуляромъ, нахлобучилъ отцовскую шляпу и въ такомъ видѣ отпирался представляться Никулину. У него цѣлое собраніе, были здѣсь и Садовскій; какъ увидѣли пузыря въ такомъ нарядѣ, со смѣху покатались: «Возьми,—говорятъ Никулину,—этого карапуза, видишь, какой у него талантъ». Никулинъ меня взялъ и положилъ жалованья пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, по тѣмъ временамъ тысячный окладъ.

Съ этого времени начинаются странствованія Медвѣдева. Лѣтъ черезъ пять онъ получаетъ уже 35 рублей. Подобный окладъ вызвалъ общую зависть. Это не покажется страннымъ, если вспомнить, что хорошія актрисы получали семь, десять рублей въ мѣсяцъ съ бенефисомъ (тогда бенефисы цѣликомъ шли актеру). Былъ такой случай: комикъ Михайловъ, сестра его водевильная актриса, братъ—любовникъ—получали всѣ 28 рублей въ мѣсяцъ; за эти же деньги Михайловъ на своей лошади и линейкѣ перевозилъ труппу.

Гдѣ только не побывалъ за двадцать пять лѣтъ Медвѣдевъ! Ходилъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Могилевъ съ капиталомъ въ рубль двадцать копѣекъ, игралъ въ Волочкѣ, въ Динабургѣ у Гагельштрома пѣлъ во «Фрейшюцѣ» Кильяна и Оберона въ Саратовѣ, гдѣ женился на Е. Г. Гусевой, въ Астрахани, Казани, Костромѣ. Въ Саратовѣ антрепренеръ бѣжалъ и бросилъ труппу; скоро и самъ театръ сгорѣлъ. Здѣсь Медвѣдевъ выручаетъ актеровъ и «имѣя капиталу—всего два водевиля» снимаетъ въ Пензѣ театръ и ведетъ дѣло на товарищескихъ началахъ. Вскорѣ Медвѣдевъ выступаетъ уже самостоятельно антрепренеромъ, переѣзжаетъ изъ одного поволжскаго города въ другой, держитъ драму, оперу, воюетъ съ опереткой и откапываетъ таланты. Кого не перебыло въ его труппѣ: Савина, Стрепетова, Кадмина, Писаревъ, Милославскій, Давыдовъ, Макшеевъ, котораго Медвѣдевъ увидѣлъ въ любительскомъ спектаклѣ и уговорилъ бросить военную службу, и идти на сцену. «Въ этомъ все мое счастье, что всегда окружали такіе люди: все молодо, все рвалось впередъ, работали дружно и знали чему служимъ».

Сколько воспоминаній за это время «странствій»...

«Помню во время Крымской кампаніи изображали въ Костромѣ «Взятіе Синопа»; въ особенности хороша была сцена, когда мы рускіе плѣнили синопскаго папу, котораго игралъ извѣстный всему городу театральнй сторожъ Трифоновъ. На уничтоженіе всего флота и всю постановку Синопа антрепренеръ изстратилъ 1 рубль 63 копѣйки. Въ пьесѣ игралъ докторъ, любящій латинскій языкъ до того, что облатинивалъ даже русскія слова. Въ концѣ пьесы онъ съ восторгомъ: Восклицалъ «вотъ это синопизмъ—такъ синонизмъ».

Интересно вообще, какъ существовали тогда театры. Павильонной системы не знали и всѣ декорации обыкновенно ограничивались колонаднымъ заломъ, трафаретной комнатою, желтой комнатою, она «бѣдная» и «богатая» и въ случаѣ надобности она же «мрачное подземелье» и тюрьма». На оборотѣ желтой комнаты написана еще «русская изба». Лѣсъ, онъ же садъ и улица въ деревнѣ. Освѣщеніе въ театрахъ, коптильныя лампочки, масло конопляное и даже сальныя свѣчи. На обязанности вторыхъ актеровъ лежала обстановка пьесы, такъ какъ рабочихъ было не болѣе двухъ человѣкъ. Оркестры отпускались обыкновенно даромъ богатыми помѣщиками. А туалеты... весь гардеробъ актрисы состоялъ изъ четырехъ платьевъ: бѣленькаго кисейнаго съ фартучками и бантиками разныхъ цвѣтовъ: черненькаго, плисоваго или шелковаго и крепъ-ришетчистаго. Эпохъ не разнили и «Людовику» всѣхъ подъ одинъ фасонъ играли».

А вотъ тоже интересный случай изъ воспоминаній артиста. «Было это въ 1864 г. въ Саратовѣ, ставили «Однoдворца» Боборыкина, игралъ я Пузовкина—этакого пренепріятнаго офицера, котораго покупаютъ на то, чтобы онъ женился и не пользовался правами мужа. Игралъ я этого Пузовкина въ формѣ одного пріятеля. Публика принимала отлично. Кончился спектакль, выхожу въ садъ—масса офицеровъ и командиръ полка. Подошелъ къ нему, поздоровался, смотреть тучей: «Я съ вами не служу, г. Медвѣдевъ...» «Ничего не понимаю, ваше превосходительство».—«Не служу съ вами—съ губернаторомъ будете объясняться...» На слѣдующій день дѣйствительно вызываютъ къ начальнику губерніи. «Что же это вы, батенька, мерзавцевъ играете въ формѣ офицера мѣстнаго полка... Некрасиво!.. Командиръ требуетъ, чтобы вы извинились передъ всѣми офицерами».

Петръ С. Саз. Петерб. 1903г. 21 октяб.

кулину. У него цѣлое собрание, были здѣсь и Садовскій; какъ увидѣли пузыря въ такомъ нарядѣ, со смѣху покатались: «Возьми, — говорятъ Никулину, — этого карапуза, видишь, какой у него талантъ». Никулинъ меня взялъ и положилъ жалованья пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, по тѣмъ временамъ тысячный окладъ.

Съ этого времени начинаются странствованія Медвѣдева. Лѣтъ черезъ пять онъ получаетъ уже 35 рублей. Подобный окладъ вызвалъ общую зависть. Это не покажется страннымъ, если вспомнить, что хорошия актрисы получали семь, десять рублей въ мѣсяцъ съ бенефисомъ (тогда бенефисы цѣликомъ шли актеру). Былъ такой случай: комикъ Михайловъ, сестра его водевильная актриса, братъ — любовникъ — получали всѣ 28 рублей въ мѣсяцъ; за эти же деньги Михайловъ на своей лошади и линейкѣ перевозилъ трупну.

Гдѣ только не побывалъ за двадцать пять лѣтъ Медвѣдевъ! Ходилъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Могилевъ съ капиталомъ въ рубль двадцать копѣекъ, игралъ въ Волоцкѣ, въ Динабургѣ у Гагелштрома пѣлъ во «Фрейшюцѣ» Кильяна и Оберона въ Саратовѣ, гдѣ женился на Е. Г. Гусевой, въ Астрахани, Казани, Костромѣ. Въ Саратовѣ антрепренеръ бѣжалъ и бросилъ трупну; скоро и самъ театръ сгорѣлъ. Здѣсь Медвѣдевъ выручаетъ актеровъ и «имѣя капиталу» — всего два водевиля» снимаетъ въ Пензѣ театръ и ведетъ дѣло на товарищескихъ началахъ. Вскорѣ Медвѣдевъ выступаетъ уже самостоятельно антрепренеромъ, переезжаетъ изъ одного поволжскаго города въ другой, держитъ драму, оперу, воюетъ съ опереткой и откапываетъ таланты. Кого не перебыло въ его труппѣ: Савина, Стрепетова, Кадмина, Писаревъ, Милославскій, Давыдовъ, Макшеевъ, котораго Медвѣдевъ увидѣлъ въ любительскомъ спектаклѣ и уговорилъ бросить военную службу, и идти на сцену. «Въ этомъ все мое счастье, что всегда окружали такіе люди: все молодо, все рвалось впередъ, работали дружно и знали чему служимъ».

Сколько воспоминаній за это время «странствій»...

«Помню во время Крымской кампаніи изображали въ Костромѣ «Взятіе Синопа»; въ особенности хороша была сцена, когда мы рускіе плѣнили синопскаго пашу, котораго игралъ извѣстный всему городу театральнѣйшій сторожъ Трифоновъ. На уничтоженіе всего флота и всю постановку Синопа антрепренеръ истратилъ 1 рубль 63 копѣйки. Въ пьесѣ игралъ докторъ, любящій латинскій языкъ до того, что облатинивалъ даже русскія слова. Въ концѣ пьесы онъ съ восторгомъ: Восклидалъ «вотъ это синопизмъ — такъ синопизмъ».

Интересно вообще, какъ существовали тогда театры. Павильонной системы не знали и всѣ декорации обыкновенно ограничивались колонаднымъ заломъ, трафаретной комнатою, желтой комнатою, она «бѣдная» и «богатая» и въ случаѣ надобности она же «мрачное подземелье» и тюрьма». На оборотѣ желтой комнаты написана еще «русская изба». Лѣсъ, онъ же садъ и улица въ деревнѣ. Освѣщеніе въ театрахъ, коптільныя лампочки, масло конопляное и даже сальныя свѣчи. На обязанности вторыхъ актеровъ лежала обстановка пьесы, такъ какъ рабочихъ было не болѣе двухъ чело-вѣкъ. Оркестры отпускались обыкновенно даромъ богатыми помѣщиками. А туалеты... весь гардеробъ актрисы состоялъ изъ четырехъ платьевъ: бѣленькаго кисейнаго съ фартучками и бантиками разныхъ цвѣтовъ: черненькаго, плисоваго или шелковаго и крепъ-ришетчистаго. Эпохъ не разнили и «Людовиковъ» всѣхъ подъ одинъ фасонъ играли».

А вотъ тоже интересный случай изъ воспоминаній артиста. «Было это въ 1864 г. въ Саратовѣ, ставили «Однoдворца» Боборыкина, игралъ я Пузовкина — этакого прене-пріятнаго офицера, котораго покупаютъ на то, чтобы онъ женился и не пользо-вался правами мужа. Игралъ я этого Пузовкина въ формѣ одного пріятеля. Публика принимала отлично. Кончился спектакль, выхожу въ садъ — масса офице-ровъ и командиръ полка. Подошелъ къ нему, поздоровался, смотритъ тучей: «Я съ вами не служу, г. Медвѣдевъ...» «Ничего не понимаю, ваше превосходительство». — «Не служу съ вами — съ губернаторомъ будете объ-ясняться...» На слѣдующій день дѣйстви-тельно вызываютъ къ начальнику губерніи. «Что же это вы, батенька, мерзавцевъ играете въ формѣ офицера мѣстнаго полка... Некрасиво!.. Командиръ требуетъ, чтобы вы извинились передъ всѣми офицерами».

Нечего дѣлать, соглашаюсь; одѣваю фракъ, бѣлыя перчатки, пріѣзжаю въ манежъ. Офи-церы всѣ въ сборѣ; выходитъ командиръ, здороваeтся и начинаетъ излагать сущность моего проступка. Офицеры выслушали и видимо ничего не поняли. «Прощаете, го-спода, г. Медвѣдева?..» «Прощаемъ...» Какой-то гулъ. «Такъ-съ... а вотъ теперь интересно, кто изъ васъ, господа офицеры, продалъ честь полка, кто далъ на посмѣ-шницѣ свой мундиръ?» Тутъ я перетрусилъ: вижу, мой пріятель стоитъ ни живъ, ни мертвъ. И вдругъ меня словно ослѣпило. «Ни-кто, говорю, ваше превосходительство, неви-новенъ: форму эту мнѣ подарилъ такой-то офицеръ, называю фамилію, который те-перь уже перевелся въ Царство Польское...» Вывернулся, что называется случай по-мощъ: годъ назадъ дѣйствительно какой-то офицеръ перевелся изъ Саратова.

Хорошо сохранился въ памяти П. М. случай съ Кадминой, отравившейся въ «Василисѣ Мелентьевой», случай, который такъ глубоко и правдиво переданъ въ «Татьянѣ Рѣпиной». «Каждый разъ, какъ играю въ этой пьесѣ антрепренера, все-гда вспоминаю бѣдный талантъ — Кадми-ну; некому кругомъ было поддержать, за-мучила жизнь, и не перенесла, покончила съ собой»... Много поработалъ на своемъ вѣку Петръ Михайловичъ, много потрудил-ся. «Бывало завершишь дѣло, съ головой окунешься»; зато и результаты бывали на славу — въ девять мѣсяцевъ оборотъ больше трехсотъ тысячъ».

Въ 1888 г. П. М. Медвѣдевъ ликвидировалъ антрепренерство, перешелъ къ Коршу, за-тѣмъ въ Александринскій театръ, сперва режиссеромъ на трехлѣтіе а затѣмъ акте-ромъ. И переигралъ онъ не мало: въ «Ре-визорѣ» напимѣръ, который идетъ для юбилейнаго спектакля, игралъ всѣхъ кромѣ Хлестакова; затѣмъ Расплюевъ, Фамусовъ, Любимъ Торповъ, Кутейкинъ, Тихонъ въ «Грозѣ», Ревякинъ («Коварство и Любовь») — весь Мольеровскій репертуаръ, весь Островскій, Потѣхинъ — кого здѣсь нѣтъ. Любимая роль Медвѣдева — Беневоленскій въ «Бѣдной Невѣстѣ», онъ исполняетъ ее безподобно.

Ал. Нс.